
НЕЙТОН ЛИ
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА ДЛЯ ЛЕДЯНОГО ДРАКОНА

Нейтон Ли

Целительница для ледяного дракона

«Литнет»
2026

Ли Н.

Целительница для ледяного дракона / Н. Ли — «Литнет», 2026

Орден Целого Пламени предал меня, а муж выбрал кресло в совете вместо чести. Я уехала на Север, чтобы лечить людей, которым некуда обратиться. Однажды ночью в мою хижину принесли умирающего Арвидаса Торна — владыку ледяных драконов.Чёрный кристалл пожирает его сердце, каждое превращение ускоряет проклятие, а долину сковывает зима, которой не должно быть. Я умею исцелять живой искрой, но каждое прикосновение забирает моё собственное тепло. Он обещает защитить меня; я требую независимости и права лечить каждого.Чтобы спасти дракона, нам придётся разгадать предательство в его собственном замке. А чтобы сохранить друг друга — научиться доверять без клятв, которые превращают любовь в клетку.

© Ли Н., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Зов с заснеженного перевала 5
Глава 2. Пульс замерзающей крови 12
Глава 3. Договор с повелителем метелей 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Глава 1. Зов с заснеженного перевала

— Если ещё раз дёрнешься, Торек, я привяжу твою ногу к скамье сыромятным ремнём, — сказала Лидия, не поднимая головы от деревянного таза, где в тёплом отваре можжевельника и сосновой живицы плавали льняные полосы. — И тогда до посёлка завтра пойдёшь вместе со скамьёй.

Старый смолокур глухо заворчал сквозь сжатые зубы, вцепившись здоровой рукой в край грубо сколоченного стола, но пятку из её ладоней не выдернул.

— Жжёт, госпожа лекарка. Будто углей под кожу насыпали.

— Жжёт — значит, мясо живое, — ответила она уже мягче и осторожно промокнула синюшные, припухшие пальцы его правой стопы. — Когда перестаёт жечь, начинается чёрная вода под ногтями, а после неё за работу берусь уже не я, а пила кузнеца Браэна. Терпи. Сейчас пойдёт кровь, будет ещё хуже.

Лидия взяла с края очага плоский серый голыш, завёрнутый в двойную холстину. Камень грелся в золе с самого полудня, когда ветер с Верхнего Зуба изменил голос — перестал свистеть в щелях ставней и принялся глухо, по-волчьи бить в северную стену хижины. Она прижала свёрток к своду чужой ступни, а левую ладонь положила чуть выше щиколотки, туда, где под грубой, обветренной кожей горца едва прощупывалась вялая жилка.

Не торопиться. Не гнать силу рывком, как учили в столичных палатах ордена Целого Пламени, где за спиной каждого старшего целителя стояли жаровни с дармовым углём и дюжина послушников с горячими кувшинами. Здесь, на Старом карнизе, лишнего тепла не существовало. Каждая крупица бралась либо от очага, который нужно было кормить скудным кедровым валежником, либо из собственной крови.

Лидия закрыла глаза на один короткий вдох, нащупывая внутренним чутьём узкую, спазмированную морозом протоку в чужой плоти. Живая искра отозвалась под её рёбрами привычным тонким толчком — не огнём, скорее горячей золотистой струной. Она отвела часть тепла от нагретого голыша, сплела его со своим дыханием и медленно, нить за нитью, протолкнула вверх по онемевшей стопе смолокура.

Под её пальцами дёрнулась мышца. Из-под серого ногтя на большом пальце Торека выступила тёмная капля сукровицы, а следом по сизой коже расползлись первые неровные розовые пятна. Одновременно по собственным запястьям Лидии вверх, к локтям, побежал знакомый колючий холодок, словно она опустила руки в колодезную бадью.

Торек шумно выдохнул, откинувшись затылком на бревенчатую стену, и вытер рукавом мокрый от пота лоб.

— Свят очаг... Отпустило маленько. Я уж думал, всё, отходил своё по капканам. Сапог провалился в наст у Сухого ручья, а там под снегом ключ не замёрз. Пока выбрался, пока лыжу связал — ступня как деревянная колодка.

— В такую погоду к Сухому ручью ходят только безумцы или должники, — Лидия отняла руки, быстро потёрла собственные побелевшие кончики пальцев о шерстяной передник и начала накладывать на стопу старика густую жёлтую мазь из барсучьего жира и корня горечавки. — Ты ведь за каменной смолой лазил, Торек? На сбор подати?

Старик отвёл взгляд к закопчённому потолку, где на жердях сушились связки полыни, чабреца и серебристого скального плауна.

— Сборщик из цитадели третьего дня приезжал. Сказал, к новолунию с каждого двора по две меры смолы и по возу сухостоя для верхних башен. А где я им сухостой возьму, когда нижний лес весь вырублен ещё прошлой зимой? Вот и полез к старым расселинам. Там смола чистая, горит долго.

Лидия плотно перехватила бинт вокруг его пятки и закрепила узел деревянной шпилькой. В груди шевельнулось сухое, давно знакомое раздражение. Три года назад она уехала из Вальдмарка, чтобы больше не видеть, как сытые советники в тёплых залах делят чужие дрова и чужие жизни, прикрываясь разговорами об общем благе. Эрвен тогда говорил точно так же, стоя у окна их городской гостиной и поправляя золочёную цепь младшего магистрата: «Ты смотришь слишком узко, Лидия. Если мы закроем речные склады на карантин из-за каких-то грузчиков с лихорадкой, торговая гильдия провалит голосование. Нужно думать о порядке в целом».

Она тогда подумала о порядке, собрала свой врачебный сундук, оставила на дубовом столе брачный перстень с печатью его рода и ушла прежде, чем совет объявил ей выговор за самовольную раздачу казённого снадобья в портовых бараках. Северный кряж казался краем, где людям некогда играть в высокую политику: слишком близко небо, слишком длинна зима. Но и здесь, стоило морозам окрепнуть раньше срока, наверху начинали требовать лишнюю дань, а внизу старики отмораживали ноги в ледяных ключах.

— До утра никуда не пойдёшь, — твёрдо сказала она, поднимаясь с низкой скамейки и бросая использованные тряпицы в медный котёл для кипячения. — Ляжешь на топчане за перегородкой. Сын твой знает, что ты завернул ко мне?

— Знает, — буркнул Торек, осторожно опуская забинтованную ногу в широкий валяный чулок. — Я мальчишке Илмы на развилке крикнул, что к тебе сверну, коли буран прижмёт. Только неловко, госпожа Лидия. У тебя самой дров у порога на три топки осталось, я видел.

— Мои дрова — моя забота. Выпьешь кружку горячего взвара с корой ивы и будешь спать. Если ночью пальцы начнут стрелять — разбудишь меня сразу, не жди рассвета. Гордость от гангрены ещё никого не вылечила.

Она помогла старику перебраться за дощатую загородку, где пахло сухим сеном и овчиной, прикрыла его тяжёлым войлочным одеялом и вернулась к столу. В хижине сразу стало тихо — той плотной, насторожённой тишиной горного жилья, вокруг которого закрывается белая тьма.

За слюдяным окошком уже ничего не было видно, кроме косых полос снежной крупы, бивших в раму. Но ветер звучал неправильно. Лидия прожила на перевале вторую зиму и успела выучить повадки здешних бурь. Обычная метель шла с северо-запада широкими, ровными валами, гудела в каменной трубе басовито и сонно. Сегодняшний ветер рвался с самого хребта Драконьего Гребня короткими, звонкими ударами, и между этими ударами в воздухе стоял странный, сухой треск — будто высоко в скалах лопался не снег, а перетянутое на морозе стекло.

Она подошла к печи, подбросила в жар две смолистые чурки и задержала ладони над чугунной плитой. Кончики безымянного пальца и мизинца на левой руке всё ещё плохо слушались после лечения Торека. Пустяковая плата за сохранённую ступню, но верный знак: сегодня её собственный запас тонок. С утра она принимала роды у младшей невестки кузнеца в нижнем выселке, потом три часа поднималась обратно по крутой тропе против ветра с полным коробом сушёных кореньев. Организм требовал горячей похлёбки и восьми часов сна без единого обращения к искре.

Лидия уже сняла с крюка ковшик, чтобы зачерпнуть воды из кадки у двери, когда вода под деревянным кругом тонко зазвенела.

Она замерла.

На поверхности кадки, в пяти шагах от раскалённой печи, прямо на глазах стягивалась прозрачная игольчатая плёнка льда. Иглы росли не от краёв к середине, как бывает в нетопдиной горнице, а длинными косыми лучами, словно кто-то провёл невидимым резцом снаружи, со стороны перевала.

В тот же миг за стеной, высоко над крышей хижины, раскололось небо.

Это не был гром, и это не был сход лавины. Лавина идёт с тяжёлым, нарастающим грохотом камней и мокрого снега. Здесь же воздух над ущельем будто распороли огромным зазубренным крылом: раздался хриплый, металлический клёкот, от которого на полках звякнули глиняные банки с мазями и осыпалась сухая глина из пазов между брёвнами. Следом по крыше ударил такой порыв ледяного вихря, что пламя в печи метнулось обратно в топку, выбросив в комнату сноп серых искр.

За перегородкой заворочался Торек:

— Госпожа... Это что ж такое там? Неужто обвал на Верхнем Зубе?

— Лежи, — негромко велела Лидия, ставя ковшик на стол. — Не вставай на ногу.

Она не ответила ему того, о чём подумала сама. Обвалы не кричат раненым зверем и не заставляют воду замерзать у горячей плиты. За два года она лишь трижды видела в небе над дальними пиками серебряную тень хозяина Северного кряжа — огромную, стремительную, не имевшую ничего общего с золочёными изображениями драконов на гербах столичных орденов. Местные говорили о владыке Торне с опаской и угрюмым почтением, как говорят о самой горе: пока держит перевалы от тварей из Пустоши — пусть сидит в своей цитадели, лишь бы его сборщики не драли три шкуры. Лидия никогда не стремилась увидеть его ближе. Ей хватало того, что земли дома Торн находились вне судебной власти совета Вальдмарка и ордена Целого Пламени.

Снаружи, совсем близко — там, где тропа огибала Чёрный выступ и спускалась к её двору, — ветер вдруг стих на долю секунды, и в этой пустоте отчётливо прозвучал короткий, сухой визг стали о камень, а затем чужой хриплый крик:

— К огню! Сивер, держи левый край, не дай им зайти со скалы!

Лидия метнулась к сундуку у стены не раздумывая — руки сами сделали то, чему их учили десять лет полевой и госпитальной службы. Откинуть крышку. Выхватить свёрток с кривыми иглами и варёной шёлковой нитью, банку с жгучим кровоостанавливающим порошком, чистые полотна, короткий кривой нож для срезания одежды. Кто бы ни дрался сейчас на её тропе, через минуту там будут рваные раны и обморожение.

Она только успела сдвинуть со стола миски на край, когда во дворе глухо рухнуло что-то тяжёлое, затрещал частокол, отделявший дровяной навес от обрыва, и в дубовую дверь хижины ударили — не кулаком, акованным наплечником или рукоятью меча.

— Открой! — голос снаружи сорвался от стужи и бега, но привычки приказывать не потерял. — Именем Северного кряжа, открывай живо, если в доме есть живые!

Лидия шагнула к порогу, но не сбросила засов сразу, а сперва приоткрыла узкую смотровую щель на уровне глаз.

Снежная круговерть во дворе светилась бледным, мертвенно-синим отблеском. В двух шагах от крыльца стоял широкоплечий воин в почерневшей от крови и изморози кольчужной куртке поверх мехового поддоспешника. В правой руке он держал обнажённый широкий клинок, от лезвия которого шёл пар, а левым плечом подпирал второго человека — высокого, без шлема, с запрокинутой головой в слипшихся от снега и тёмной влаги пепельно-седых или серебряных волосах. Третий стражник стоял спиной к двери у самого пролома в частоколе, выставив вперёд короткое копьё с широким перекрестьем, а из метели на него, низко припадая к сугробам, надвигались три угловатые, будто вырубленные из мутного глетчерного льда тени с длинными костяными гребнями вдоль хребтов.

На нагруднике первого воина, прямо под рассечённым ремнём плаща, тускло блеснула серебряная чеканка: сомкнувший крылья дракон над тремя горными пиками. Дом Торн. Личная стража цитадели. И человек, которого они волокли на себе, судя по тяжёлому плащу из меха снежного барса и массивным наручам старой ковки, не был простым десятником.

Разум холодно предупредил её: если за этой дверью сам владыка кряжа или кто-то из его ближних, тихая жизнь беглой целительницы на перевале закончится в ту же секунду, как

она сдвинет железную полосу засова. За ней придут архивариусы цитадели, начнут задавать вопросы о дипломе ордена, о причинах отъезда из столицы, о её прежнем имени.

В этот миг крайняя из ледяных тварей у частокола прыгнула. Стражник с копьём принял удар на древко, дерево сухо треснуло, человека отбросило к самым ступеням, а над воротником полубессознательного мужчины в барсовом плаще Лидия увидела то, от чего её профессиональный взгляд мгновенно отмёл все расчёты об осторожности.

От ключицы раненого вниз, уходя под разорванный на груди поддоспешник, по живой коже ветвились не багровые полосы крови, а тонкие, словно впаянные в плоть жилы матово-чёрного льда. И с каждым его судорожным вдохом они продвигались ближе к горлу.

Лидия обеими руками рванула промёрзший засов влево и распахнула дверь внутрь.

— Заносите! Быстро, порог не застить!

Вместе с людьми в горницу ворвался такой заряд колючей стужи, что пламя в жировой плошке на столе сплющилось и едва не погасло. Широкоплечий стражник, не тратя дыхания на слова, буквально ввалил тяжёлое тело своего господина за порог, а сам развернулся в проёме, перехватывая меч обеими руками.

Снаружи, прямо у нижней ступени крыльца, второй воин пытался подняться с колен, прижимая к бедру обломок копья. Из снежной мглы на него уже неслась приземистая ледяная тварь — безглазая, с вытянутой клиновидной пастью, из которой вместо слюны сыпалась сухая морозная пыль.

Лидия не стала смотреть, чем закончится удар. Она схватила с шестка чугунный черпак с кипящим щелочным рассолом, в котором с вечера вываривала старые бинты, шагнула к двери за спиной старшего воина и с размаху плеснула крутым варом поверх его наплечника — прямо в белёсую, оскаленную морду прыгнувшего зверя.

Раздался резкий, визгливый треск, будто раскалённую полосу железа сунули в сугроб. По двору пополз едкий белый пар, воняющий палёной известью и тухлой болотной водой. Тварь в воздухе выгнулась дугой, её передняя лапа с длинными стеклянными когтями чиркнула по косяку двери, оставив в мёрзлом дубе четыре глубокие борозды, и туша грузно рухнула в сугроб, заскрежетав челюстями по камням крыльца.

— Дарен, в дом! — рявкнул широкоплечий, пользуясь секундной заминкой. Он одним рывком за воротник втащил прихрамывающего напарника внутрь и навалился спиной на дверное полотно. — Засов!

Вторая тварь ударила снаружи с такой силой, что железные петли протяжно взвизгнули, а с верхней притолоки на плечи людей посыпалась труха и мёрзлый мох. Лидия бросила пустой черпак в угол, двумя руками вцепилась в железную скобу и вместе с молодым стражником дослала кованый брус в каменное гнездо.

Снаружи тут же заскребли — часто, дробно, словно по доскам били десятком кайл. Между плохо пригнанными плахами порога поползли сизые язычки инея.

— Окно! — коротко бросил старший воин, которого во дворе назвали Сивером. Он тяжело дышал, с рассечённой скулы по жёсткой русой щетине текла тёмная кровь, замерзая на воротнике. — У тебя ставни изнутри запираются, хозяйка?

— Уже заперты, на дубовом клине, — Лидия даже не обернулась к слюдяному оконцу. Она уже стояла на коленях возле распластанного на полу мужчины. — И через крышу не влезут, там скат из тёсаного сланца. Не стой у порога, помогай поднять его на стол. На полу тянет из-под подпола, он здесь окоченеет раньше, чем ты отдышишься.

Сивер метнул на неё быстрый, колючий взгляд — взгляд человека, не привыкшего, чтобы ему указывали тон в минуту боя, — но спорить не стал. Сунул дымящийся клинок в ножны, подхватил раненого под мышки и жестом велел младшему брать за сапоги.

— Осторожнее с левым боком, Дарен. У него там ребро или плечо пробито, ещё на верхнем уступе зацепили.

Втроём они с трудом взгромоздили грузное, отяжелевшее от промёрзшего меха и стали тело на широкий врачебный стол. Доски глухо крякнули. Лидия тут же схватила кривой нож и без малейшего почтения к дорогим вещам принялась вспарывать кожаные шнуры на нагруднике и меховом поддоспешнике.

Молодой стражник, Дарен, бледный до синевы под слоем копоти и снега, непроизвольно дёрнулся вперёд, придерживая распоротое бедро левой рукой:

— Эй, полегче! Это же...

— Мне всё равно, кто это, хоть сам верховный жрец с золотым кадилом, — отрезала Лидия, с треском разрывая пропитанную бурой, полузамёрзшей кровью нижнюю рубаху из тонкого серого льна. — Если я сейчас не сниму с него мокрое железо, через четверть часа понесёте обратно вниз ледяную колоду. Ты, второй, — она ткнула подбородком в сторону Сивера, — возьми у печи кочергу, выгреби часть углей в медный таз под столом. Только золу сверху присыпь, чтобы не чадило. А ты, парень, сядь на сундук и прижми свою ляжку сложенным рядном, пока я до тебя не добралась. Кровь по сапогу течёт, пол мне заливаешь.

За дощатой перегородкой испуганно заскрипел топчан, и оттуда выглянула взлохмаченная седая голова Торека. Увидев в тесной горнице двух вооружённых латников с гербами цитадели и третьего человека на столе, старый смолокур поперхнулся воздухом и торопливо втянул голову обратно, словно сурок в нору.

Сивер заметил это движение. Его рука снова легла на рукоять меча, серые, воспалённые от метели глаза сузились.

— Кто ещё в доме?

— Больной из нижнего посёлка, с обмороженной стопой, — не поднимая головы, ответила Лидия. Её пальцы быстро и сухо ощупывали ключицу, грудину и левое подреберье человека на столе. — Ему не до ваших тайн, он до утра на ногу не встанет. Займись углями, командир. Время уходит.

Старший стражник секунду буравил её взглядом, оценивая прямую спину, закатанные до локтей рукава простого шерстяного платья и то, как уверенно, без суеты и дрожи, раскладывались на краю стола железные щипцы, иглы и склянки. Потом молча шагнул к очагу и взялся за кочергу.

Лидия же склонилась ниже, придвинув жировую лампу к самой груди раненого, и внутри у неё всё сжалось от холодного профессионального ужаса.

Мужчина был сложён мощно, по-северному широко в кости, с резкими, будто высеченными из серого гранита чертами лица, крутым подбородком и тонким старым шрамом, пересекавшим левую бровь. Даже сейчас, в беспамятстве, его челюсти были стиснуты так, что на скулах проступали белые желваки. Но Лидия смотрела не на лицо.

Слева, чуть ниже грудной мышцы, кожа была рассечена тремя рваными бороздами — след когтей той твари, что осталась лежать за дверью. Однако обычная рана от зверя кровоточила бы алым или тёмным, а здесь края плоти выглядели сухими, стекловидными, точно вымороженное мясо. И не они были главным источником беды. Глубже, прямо под мечевидным отростком грудины, под кожей проступало плотное угловатое уплотнение величиной с грецкий орех. От него во все стороны, повторяя ход крупных сосудов, расходилась чёрная, тускло мерцающая под огнём лампы сетка.

Лидия осторожно коснулась этого места подушечками пальцев — и тут же отдёрнула руку, словно прикоснулась к раскалённому на морозе железу.

Это не было простое переохлаждение. И не трупный холод умирающего тела. Под её пальцами, в самой глубине чужой груди, билось два совершенно разных ритма. Один — тяжёлый, редкий, но невероятно горячий, словно под рёбрами этого человека медленно ворочался кузнечный горн, пытающийся протолкнуть расплавленный металл по сузившимся жилам. А

второй — чужеродный, колючий, ритмично вытягивающий этот жар на себя и превращающий живую кровь в неподвижную чёрную кристаллическую изморозь.

Когда на перевале раскололось небо и раздался тот металлический клёкот... Он ведь обращался в воздухе. Лидия поняла это с пугающей, безошибочной ясностью врача, читающего историю болезни по свежим следам на теле. Он шёл над ущельем в драконьем облике, принял бой на высоте, но чужеродный осколок в груди не дал удержать внутреннее пламя — сорвал трансформацию прямо над скалами и бросил его вниз, в снег, в человеческом теле.

— Как давно у него это под рёбрами? — тихо и жёстко спросила она, поворачивая голову к Сиверу, который как раз задвигал под стол таз с рдеющими углями.

Командир стражи замер, не разгибаясь. Лицо его мгновенно замкнулось, став каменным.

— Его задели когтями на Верхнем уступе, четверть часа назад. Твари вышли из расщелины целой стаей, мы не ждали их так низко. Зашивай рваное, лекарка, и дай чего-нибудь согревающего. Остальное не твоего ума дело.

Лидия выпрямилась. В тесной комнате, пропахшей можжевельником, мокрой шерстью, гарью и железом, её голос прозвучал негромко, но отчётливее, чем скрежет когтей за дубовой дверью.

— Не держи меня за деревенскую знахарку, которая заговаривает чирьи на ярмарке, воин. Рваная рана на боку — поверхностная, когти даже плевру не пробили, скользнули по ребру. От неё такой человек, как он, не потерял бы сознание. Его убивает то, что сидит у него под грудиной. Оно жрёт его собственный внутренний жар, и каждый раз, когда эти морозные твари подходят ближе или он пытается разжечь в себе кровь, чёрные нити растут к сонным артериям. Если они дойдут до шеи — ни ты, ни вся ваша цитадель не довезёте его живым даже до первой сторожевой башни.

В углу на сундуке глухо охнул молодой Дарен. Сивер медленно выпрямился. В свете лампы было видно, как побелели костяшки его пальцев, сжимавших железную кочергу.

— Кто ты такая? — глухо спросил он. — В приходских списках перевала числится только старая повитуха Илма в нижнем выселке да травница на Старом карнизе. Травницы не говорят о плевре и сонных артериях.

Лидия встретила его тяжёлый взгляд, не мигая. Вот он, тот самый порог, за которым кончалась её двухлетняя передышка. Сейчас она назовёт вещи своими именами — и завтра об этом будут знать в замке дома Торн. А можно промолчать, сделать вид, что она просто удачно угадала, перевязать поверхностные царапины, влить в рот умирающему бесполезный горячий отвар и на рассвете выпроводить их за порог. Пусть владыка Северного кряжа умирает на руках своих гордых молчунов по дороге домой. Его сборщики перестанут трясти смолу со стариков вроде Торека. Совет Вальдмарка никогда не узнает, где прячется бывшая старшая целительница третьей ступени.

На столе глухо, сквозь стиснутые зубы застонал раненый. Его правая рука, тяжёлая, сбитая в костяшках, с тёмным перстнем-печаткой на безымянном пальце, судорожно дёрнулась и вцепилась в край дубовой столешницы с такой силой, что под ногтями хрустнуло дерево. Веки мужчины дрогнули, приоткрывая узкую полоску удивительно светлых, почти прозрачных серебристо-серых глаз, подёрнутых мутной плёнкой боли.

Он не кричал и не звал на помощь. Даже не приходя в полное сознание, он пытался подавить озноб, выгибавший его спину дугой, и каждое это усилие лишь сильнее гнало чёрную кристаллическую сетку вверх, к ключичному углу. Ещё на ширину ногтя.

Лидия посмотрела на эту руку, сжимающую край её стола, на серебряного дракона на пряжке его рассечённого пояса, потом перевела взгляд на дверь, в которую снаружи с глухим упрямством ударилась ледяная тварь, проверяя крепость засова. Ветру на перевале было всё равно, кто лежит перед ней — владыка кряжа, должник или беженец. И смерти, ползущей по жилам, тоже было всё равно.

Она резко повернулась к печи, сдвинула заслонку и щипцами вытащила из самой глубины жара три плоских базальтовых камня, которые держала про запас для тяжёлых зимних отморожений.

— Я та, кто умеет останавливать некроз без вашего драконьего пламени, — сухо сказала Лидия, заворачивая раскалённые камни в сложенную вчетверо мокрую холстину, чтобы они давали глубокий, влажный жар, не сжигая кожу. — Меня зовут Лидия. И если ваш господин — Арвидас Торн, то сейчас вам придётся решать очень быстро: либо вы бережёте тайну его болезни и увозите отсюда труп, либо ты, Сивер, снимаешь кольчугу, моешь руки в том котле со щёлоком и держишь его за плечи, пока я буду резать и отводить холод на себя.

Сивер не шевелился три долгих удара сердца. Снаружи снова завыло в скалах — так низко и протяжно, словно весь перевал заваливало снежной лавиной, отрезая хижину от нижнего посёлка, от цитадели, от всего остального мира.

Вдруг человек на столе хрипло выдохнул, и его светлые, лихорадочно блестящие глаза сфокусировались на лице Лидии. В них не было бредовой пустоты — только ясная, беспощадная трезвость существа, которое прекрасно понимает, что с ним происходит.

— Сивер... — голос владыки кряжа прозвучал глухо, будто сквозь слой битого льда, но в нём лязгнула сталь. — Сними железо. И слушай её.

Командир стражи вздрогнул, переводя взгляд с лица господина на сосредоточенное, суровое лицо женщины с кривым хирургическим ножом в руке. Затем молча расстегнул пряжку своего нагрудника и сбросил промёрзшую кольчугу на пол.

Лидия положила первые два горячих свёрнутых камня по обе стороны от шеи Арвидаса, отсекая чёрным жилам путь к голове, и глубоко, до самого дна лёгких вдохнула пахнущий смолой воздух горницы. Она знала, что её собственных сил после сегодняшнего дня едва хватит до рассвета. Знала, что живая искра при соприкосновении с этим чёрным, чужеродным льдом выпьет её до звона в ушах и слепоты.

— Держи его крепко, — велела она, опуская левую ладонь прямо на ледяное, обжигающее уплотнение под грудью дракона, а правой поднося лезвие ножа к почерневшему краю раны. — Наркоза у меня нет, а греть придётся по живому.

Глава 2. Пульс замерзающей крови

— Отойди от стола, — сказала Лидия, не оборачиваясь к дверям, и подцепила щипцами из золы второй базальтовый голыш. — Если будешь нависать надо мной с обнажённым клинком, я случайно задену твой локоть, и твой господин истечёт сукровицей раньше, чем рассветёт.

Сивер не убрал меча, но тяжёлый шаг по половицам стих. В тесной комнате пахло мокрой овчиной, палёным можжевельником и тем особенным, металлическим холодом, который приносит с верхних ледников только чужая смерть. За ставнями выл ветер с перевала, швыряя в слюдяное окошко горсти колючей крупы. На широком сосновом столе, застеленном вчетверо сложенным сукном, лежал Арвидас Торн. Его распахнутый дублет с серебряным шитьём свисал до самого пола, а под левым подреберьем, там, где должна была ровно и жарко стучать драконья кровь, кожа побелела до сходства с речным мелом.

Из рваной раны не шёл пар. Вместо алой струи между рассечёнными мышцами проступали тонкие, ветвистые нити сизого инея. Они росли прямо на глазах, цепляясь за края плоти, словно корни болотного вереска, и с каждым редким вдохом раненого продвигались к грудине ещё на ширину ногтя.

— Ты не читаешь канонических молитв, — хрипло произнёс Сивер. В его голосе лязгнуло железо, но Лидия уловила под этим лязгом обычную человеческую панику человека, который привык рубить врагов, а не смотреть, как его командир превращается в соляной столб. — Целители в столице начинают с призыва Пламени. Я видел твой знак на сумке. Старое клеймо ордена, перечёркнутое по ободу.

— Канонические молитвы отлично помогают при подагре у столичных советников, — отозвалась Лидия, заворачивая раскалённый камень в пропитанную маслом холстину. — А здесь некроз магического канала. Если я сейчас ударю по его груди открытым даром, этот чёрный лёд внутри просто взорвётся и рассечёт сердечную сумку изнутри. Держи его за правое плечо. Крепко держи, Сивер, а не за рукоять своего тесака.

Второй стражник, молодой парень с рассечённой скулой по имени Гарт, стоял у порога, прижимая спиной засов, и мелко крестил подбородок. Когда Лидия прижала первый свёрток с горячим базальтом к паху и бедренной артерии лорда, чтобы не пустить ледяную судорогу вниз по большому кругу кровообращения, тело Арвидаса выгнулось дугой. Он не открыл глаз, но из горла вырвался низкий, скрежещущий звук, от которого в очаге пригнулось пламя, а по воде в медном тазу побежала мелкая рябь.

Сивер навалился двумя руками на плечо господина. Кожаные ремни его наручей затрещали.

— Что ты с ним делаешь? — выдохнул командир, бледнея под рыжеватой щетиной. — Ему же хуже!

— Ему больно, а это значит, что нервные узлы ещё не отмерли, — отрезала Лидия.

Она сбросила со лба выбившуюся прядь тыльной стороной запястья, где ещё не было следов бурой мази, и потянулась к костяному ларцу. Инструменты в нём лежали в строгом порядке, выверенном годами работы в городских бараках и двухлетним одиночеством здесь, на волчьих выселках. Узкий серебряный зонд, кривые иглы, пучок сухого змеевника, склянка с вытяжкой из жёлтой горечавки. Никаких золотых чаш, никаких резных жезлов, которыми так любили размахивать старшие магистры в присутствии богатых родственников. Эрвен когда-то говорил ей, что врач без мантии и ритуального круга выглядит как мясник на ярмарке. Эрвен теперь сидел в тёплом зале Совета, пил подогретое вино с корицей и подписывал указы о карантинных заставах, а она стояла над верховным лордом Северного кряжа в промёрзшей избе, и от её пальцев зависело, доживёт ли этот человек до полудня.

Лидия наклонилась ниже, почти касаясь подбородком вздымающейся груди Арвидаса. Под кожей, глубже рёберной дуги, виднелось темное, угловатое уплотнение. Оно не было похоже на осколок обычной сосульки или наконечник стрелы морозной твари. Осколок жил своей собственной, чуждой геометрией: грани смыкались под неестественными углами, вытягивая из окружающих тканей всякое тепло и оставляя после себя мёртвую, стекленеющую синеву.

Драконья природа Торна пыталась бороться. Раз в несколько ударов сердца из глубины груди поднималась тусклая серебристая волна — остатки родового жара, — но стоило ей коснуться чёрных граней, как чужеродный кристалл вспыхивал голодным фиолетовым отблеском и пожирал этот выброс, разбрасывая новые иглы инея по сосудам.

— Он сам себя выжигает, — пробормотала Лидия, скорее для себя, чем для стражников. — Чем сильнее его зверь пытается согреть кровь, тем быстрее растёт эта дрянь.

— Это проклятие с верхних топей, — глухо сказал Гарт от двери. — Нас зажали у Старого зуба. Твари шли стаей, но стрелял кто-то из расщелины. Арбалетный болт с чёрным наконечником. Лорд Арвидас принял удар в полёте, чтобы закрыть уступ, иначе нас бы всех смело в пропасть.

— Болт лишь пробил чешую и занёс зерно, — Лидия взяла узкий скальпель и подержала лезвие над синим языком спиртовки. — Сам кристалл питается его внутренней силой. Гарт, подбрось в печь сухого корня, который лежит в корзине у дровника, и подай мне чугунок с кипятком. Быстро.

Младший стражник метнулся к очагу, радуясь любому понятному приказу. Сивер же не сводил взгляда с лица Лидии. В тусклом свете сальных свечей её скулы казались резкими, почти хищными, а серые глаза смотрели на рану с тем холодным, сосредоточенным прищуром, какой бывает у старых кормчих в шторм.

— Ты знаешь, кто он, — не спросил, а утвердил Сивер, когда лезвие скальпеля мягко, без лишнего нажима вошло в омертвевший край ткани, отделяя поражённый слой от живого мяса. — Ты видела перевязь и перстень. И ты всё равно режешь его без свидетелей из вашего цеха. Если он умрёт на твоём столе, Совет дома Торн сдерёт с тебя кожу вместе с твоим дипломом.

— Мой диплом сгорел в жаровне дисциплинарной палаты три зимы назад, командир, — спокойно ответила Лидия, не позволяя руке дрогнуть ни на волосок. — Так что сдирать им придётся только мою старую куртку. Не дыши мне в затылок. Сейчас будет самое скверное.

Из надреза вместо крови выдавилась густая, почти чёрная капля, тут же подёрнувшаяся ледяной плёнкой. Сталь скальпеля мгновенно покрылась белым налётом; холод побежал вверх по черенку с такой скоростью, что у Лидии свело судорогой указательный палец. Она с коротким выдохом бросила инструмент в кипяток — вода в чугунке зашипела и пошла трещинами тонкого льда по поверхности — и схватила деревянной лопаткой густую зелёную кашицу из толчёного змеевника и каменной соли.

Трава должна была связать верхние мелкие сосуды и не дать некрозу расползтись по коже. Но стоило Лидии наложить пласт припарки на рану, как из-под рёбер Арвидаса ударил сухой, колючий вихрь. Зелёная масса затвердела в каменную корку за три удара пульса и с треском раскололась пополам.

Арвидас захрипел. Его веки дрогнули, приоткрывая узкую полоску белка и неестественно расширенный, вертикальный зрачок, вокруг которого радужка отливала расплавленным оловом. Пальцы его левой руки, свободной от хватки Сивера, судорожно сомкнулись на краю дубовой столешницы. Дерево жалобно хрустнуло, щепки впились под ногти лорда, но он этого даже не почувствовал.

— Пульс падает, — Лидия прижала два пальца к сонной артерии на его шее. Под кожей билась редкая, затухающая ниточка: удар, долгая пустота, снова слабый толчок. Холод уже

подбирался к околосердечной сумке. Камни и травы работали слишком медленно; они грели снаружи, а смерть шла изнутри, по крупным венам, где застывала густая драконья кровь.

У неё оставался только один способ остановить оледенение магистрального сосуда. Способ, за который в ордене Целого Пламени сначала лишали права носить белый воротник, а потом списывали в богадельню с выжженными нервами рук. Прямой перенос собственной живой искры без буферного амулета.

Амулет у неё забрали при разводе — Эрвен лично положил серебряную пластину на сукно судейского стола, заявив, что имущество кафедры не может принадлежать женщине, нарушившей устав ради бунтовщиков из нижнего квартала.

— Сивер, — голос Лидии стал тише и суше. — Возьми ремень со своих ножен. Перетяни ему левое предплечье и привяжи запястье к ножке стола. Если он сейчас дёрнется и сломает мне кисть, пока я держу канал, вы повезёте в свою цитадель два трупа.

Командир стражи секунду всматривался в её побелевшие губы, затем без единого слова выдернул широкий сыромятный ремень и в три оборота зафиксировал руку Арвидаса.

— Гарт, — продолжала она, стягивая с пальцев тонкие кожаные митенки, в которых работала до этого. — Встань у его ног. Навалишься всем весом на колени, когда я скажу. И что бы вы сейчас ни увидели — не смейте лить воду мне на руки и не пытайтесь оторвать меня от его груди, пока я сама не разомкну пальцы. Поняли оба?

— Ты ведьма? — шёпотом спросил Гарт, глядя на бледные, узкие ладони женщины, испещрённые старыми белыми шрамами от ожогов и ланцетов.

— Я врач, — сказала Лидия. — А это гораздо хуже для всех присутствующих. Навалились!

Она положила правую ладонь прямо на обнажённую грудь Арвидаса, выше кровоточащего разреза, туда, где под кожей и мышцами сходились главные ветви сосудов, а левой накрыла раскалённый в золе плоский камень, всё ещё завёрнутый в дымящееся сукно.

Нужно было стать мостом. Не пускать в ход чистую магию, которую кристалл примет за атаку и поглотит, а пропустить через собственное тело простое, грубое, животное тепло — от горячего камня и своей собственной крови, капля за каплей, удар за ударом, точно в такт его замирающему сердцу.

Лидия закрыла глаза и толкнула искру вперёд.

В первое мгновение ей показалось, что она опустила обе руки по локоть в чан с кипящим свинцом, который тут же обратился в сухой полярный лёд. Чужая стихия не просто сопротивлялась — она бросилась навстречу по открытому живому каналу, как голодный зверь на тёплую добычу. Удар пришёлся по подушечкам пальцев правой руки, прошил запястье острой, звонкой болью и рванулся выше, к плечу, выпивая жар из её собственных вен.

У Лидии перехватило дыхание. В избе сразу стало темно, словно кто-то задул половину свечей, хотя пламя в очаге продолжало ровно гудеть. Это сузилось зрение — верный признак того, что организм отдаёт больше, чем позволяет предел безопасности. Зубы стукнули друг о друга с такой силой, что во рту появился солёный привкус прокушенной щеки.

«Не смей закрывать поток рывком, — приказала она себе сквозь гул в ушах, вспоминая анатомические таблицы, которые чертила ночами в холодном общежитии ордена. — Медленно. По малой дуге. Только согреть стенку сосуда, не трогать сам кристалл, обойти его по краю, как обходят полынью на реке».

Левой ладонью она до боли вдавила себя в раскалённый голыш, вытягивая из камня остатки печного жара. Ткань под её пальцами задымилась, кожа на левой ладони вспухла от термического жара, но она тут же перебросила эту волну через грудь и плечи в правую руку — туда, где под её онемевшими, стремительно синеющими пальцами билось чужое, тяжёлое, упрямое сердце.

И в этот миг в глубине ледяного месива что-то шевельнулось в ответ. Не слепая ярость зверя и не мёртвая тяга чёрного кристалла, а резкий, осознанный толчок чужой воли. Арвидас Торн не просто умирал в беспамятстве — там, на самом дне замерзающей тьмы, он держал оборону, отказываясь пускать холод в последний предел, и теперь его сознание с размаху столкнулось с её живым, упрямым теплом.

Этот встречный удар едва не сбросил её с ног. Лидия не лезла в его мысли — главный закон старой школы стоял в ней крепче кости: чужой разум не трогать, даже когда вытаскиваешь человека с того света. Но на границе сведённых судорогой мышц, там, где её живая искра продавливала ледяную пробку в грудной вене, их силы сцепились вслепую, как два человека на узком карнизе над пропастью. Драконий жар Арвидаса по привычке вздыбился, готовый сжечь любого чужака, посмевшего коснуться открытого сердца, и в то же мгновение чёрный осколок под рёбрами жадно вибрировал, ожидая этого всплеска, чтобы впитать его и пустить новые корни.

— Не смей раздувать пламя, — сквозь стиснутые зубы выдохнула Лидия, наваливаясь всей тяжестью на его грудину, словно он мог услышать её сквозь толщу бреда. — Замри. Дай мне провести кровь в обход.

Под её правой ладонью кожа Арвидаса оставалась пугающе твёрдой, почти каменной, а кончики её собственных пальцев уже перестали чувствовать жжение. Это было хуже любой боли. Когда пропадает чувствительность, значит, мороз прошёл сквозь верхний слой кожи и принялся за мелкие капилляры. По ногтям Лидии с тихим, стеклянным звоном побежали белые дуги, а от запястья к локтю поползла свинцовая тяжесть, будто в вены вместо крови залили густую ртуть.

Левая рука, прижатая к завернутому в сукно базальту, наоборот, горела живым огнём. Камень остывал стремительно — её дар вычерпывал из него печной жар с такой скоростью, что серый голыш на глазах покрывался матовой изморозью. Всё тепло шло транзитом через её ключицы и грудную клетку, обжигая лёгкие сухим, металлическим воздухом, и уходило в грудь Арвидаса. Один толчок. Пауза. Ещё один — короткий, скупой, ровно такой, чтобы согреть стенку крупного сосуда на ширину пальца и не дать кристаллу заметить подачку.

И вдруг слепое сопротивление изнутри изменилось. Серебристый жар под её ладонью перестал биться в чёрные грани осколка. То ли слова дошли до края его сознания, то ли зверь внутри Торна за долгие века войн научился отличать удар клинка от руки, которая держит над пропастью, но внутренний поток послушно пригнулся, уходя вглубь и уступая ей узкую тропу вдоль околосердечной сумки.

— Вот так, — прошептала Лидия, уже не видя ни Сивера, ни Гарта. Перед глазами стояло плотное серое марево, в котором плавали только жёлтые пятна сальных свечей да тусклое, пульсирующее свечение под её собственными пальцами. — Ещё три удара. Держи ритм.

Она выжала из базальта последние крохи тепла — камень под левой ладонью звонко лопнул, расколовшись на две мёртвые, холодные половины, — и отдала остаток из себя. Из собственной печени, из мышц спины, из того неприкосновенного запаса, после которого целители сутками не могут удержать в пальцах оловянную ложку.

Ледяная пробка у самого предсердия дрогнула, поддалась и с гулким, ощутимым даже сквозь рёбра толчком рассыпалась, пропуская первую по-настоящему горячую волну крови по малому кругу.

Сизая сетка инея у краёв раны остановилась. Она не исчезла совсем — чёрный кристалл по-прежнему сидел глубоко под костью, темнея сквозь ткани угловатой тенью, — но мёртвая синева перестала ползти к горлу. Из рассечённой мышцы наконец-то, тяжело и густо, выступила живая, тёмно-алая кровь, пахнущая железом и озоном.

Лидия попыталась убрать правую руку и не смогла. Пальцы, побелевшие до самых вторых фаланг, примерзли к влажной от сукровицы коже на его груди.

— Кипяток... — голос сорвался на сиплый шёпот; язык во рту казался чужим и неповоротливым от внезапного, сотрясающего всё тело озноба. — Гарт. Из чугунка. Не на руки... на край сукна, рядом с раной. Тонкой струёй, через полотно.

Парень с рассечённой скулой шагнул к столу. Его руки тряслись так, что пар над чугунком ходил кругами, но Сивер молча перехватил сосуд за чугунное ухо и с неожиданной для тяжёлого воина точностью плеснул горячей водой на свёрнутую холстину, прижав её к самому основанию ладони Лидии. Тёплый пар окутал скрюченные пальцы. Ледяная спайка дала трещину, и Лидия с коротким, рваным вдохом оторвала руку от груди лорда.

Её качнуло назад. Колени подломились сами собой; она бы непременно рухнула спиной на рассыпанные у печи поленья, если бы не упёрлась поясницей в край дубового комода. В глазах стояла густая, мутная рябь, словно она смотрела на мир сквозь толстый слой старого болотного льда. Лидия прижала правую кисть к животу, пряча её в складках шерстяного передника, и зажмурилась, пережидая приступ тошноты.

В правом запястье ломило так, будто каждую мелкую косточку провернули в тисках. Знакомая плата. Закон сохранения в действии: нельзя согреть замерзающего дракона в промёрзшей хижине и остаться при своём.

— Кровь пошла, — глухо произнёс Гарт, заглядывая через плечо командира. — Сивер, смотри, она красная. И пар идёт!

— Вижу, — буркнул Сивер, не разжимая пальцев на плече господина. Он обернулся к Лидии, и в его взгляде, прежде полном волчьей настороженности, появилось тяжёлое, угрюмое уважение человека, который только что видел работу мастера под обвалом. — Ты жива там, лекарка?

— Не дождётесь, — Лидия заставила себя открыть глаза. Серая пелена понемногу расступалась с краёв, возвращая очертания бревенчатых стен, закопчённой балки под потолком и широкого стола. — Возьми со стола деревянную лопатку. Наложи вторую порцию змеевника прямо на разрез и прижми чистым куском холста. Мои пальцы сейчас не удержат иглу, зашивать придётся тебе.

— Мне? — Сивер уставился на кривую хирургическую иглу с вдетой в неё вощёной жилой, словно ему предложили вышить бисером свадебный платок. — Я мечник, женщина. Я умею только пороть шкуру, а не штопать живого владыку.

— Шкуру на своём плаще после похода зашивал? — Лидия шагнула к столу, цепляясь здоровой, хотя и обожжённой о камень левой рукой за спинку табурета. — Здесь то же самое, только стежки делай на палец от края, иначе прорвёт, когда он вздохнёт полной грудью. И не вздумай касаться чёрного угла в глубине. Если заденешь кристалл сталью, он снова выбросит иней.

Она встала вплотную к локтю командира, дыша ему в кожаное наплечье прерывистым, ледяным дыханием, и принялась командовать каждым движением его загрубевших пальцев. Сивер ругался сквозь зубы, потел сильнее, чем в сече у Старого зуба, но колол ровно там, где она указывала кончиком пинцета, зажатого в её левой руке. Правая кисть Лидии по-прежнему висела вдоль тела почти бесполезной плетью; там, где в фаланги начинала возвращаться кровь, под кожей разгорались тысячи мелких, злых костров, а подушечки пальцев наливались синевато-багровым отёком холодового ожога.

На четвёртом стежке, когда Сивер затягивал узел, тело на столе изменило ритм дыхания. Поверхностный, свистящий хрип сменился глубоким, тяжёлым вдохом, от которого затрещала суконная подстилка.

Лидия первая заметила, как дрогнули ресницы Арвидаса. Она едва успела перехватить запястье Сивера, отводя иглу в сторону, как глаза раненого открылись полностью.

В них уже не было мутной оловянной поволоки бреда. На неё смотрела живая, прозрачная, как вода в горном озере перед ледоставом, радужка с узким вертикальным зрачком.

Несколько секунд Арвидас Торн не шевелился, только зрачок резко сузился, выхватывая из полумрака низкий потолок чужой избы, бледное лицо Гарта у дверей, склонившегося над ним Сивера с окровавленной ниткой в пальцах — и женщину в грубом суконном платье, стоящую у самого его плеча.

Его взгляд скользнул по её осунувшемуся лицу, задержался на распахнутой кожаной сумке у края стола, где на внутренней стороне клапана отчётливо чернело выжженное и перечёркнутое косым крестом клеймо ордена Целого Пламени, а затем опустился ниже — к её правой руке, которую она безуспешно пыталась спрятать за подол передника. Багрово-синие, распухшие пальцы с побелевшими ногтями говорили сами за себя любому, кто хоть раз видел последствия прямого переноса на Севере.

Свободная правая рука Арвидаса, не стянутая ремнём Сивера, медленно поднялась со стола. Движение далось ему с видимым трудом — мышцы на груди натянулись под свежим швом, у губ залегла жёсткая складка, — но его широкие, горячие пальцы перехватили Лидию чуть выше пострадавшего запястья прежде, чем она успела отшатнуться.

От его кожи шёл сухой, тяжёлый жар человека, чья кровь только что вырвалась из ледяного плена.

— Прямой канал без щита, — произнёс он. Голос у владыки Северного кряжа оказался низким, надорванным стужей, но в нём не было ни капли слабости человека, только что лежавшего на краю могилы. — В столичном ордене за такое отбирают имя и выгоняют за городские ворота без права практики.

— Меня выгнали за другое, лорд Торн, — сухо ответила Лидия, не пытаясь выдернуть руку из его хватки, чтобы не бередить собственные обожжённые холодом суставы, но и не опуская взгляда. — А щиты вашего цеха здесь бесполезны. Любой золотой накопитель этот осколок выпил бы вместе с вашим сердцем ещё полчаса назад.

Арвидас чуть повернул голову, разглядывая её в упор. Вблизи его лицо казалось высеченным из того же серого базальта, что лежал у неё в печи: резкие скулы, горбинка на переносице, тёмные волосы, слипшиеся от пота и растаявшего снега, и тонкая серебристая прожилка у левого виска, выдающая близость драконьей ипостаси. В его глазах не было привычного для вельмож барского высокомерия, которого Лидия насмотрелась в столице, но не было и слепой благодарности спасённого. Он оценивал её точно так же, как минуту назад это делал Сивер, — проверял на излом человека, которому волей случая оказалась доверена его жизнь.

— Я слышал твой голос, когда лёд подошёл к грудине, — медленно сказал он, и его большой палец осторожно, не задевая поражённой кожи, лёг на её пульс, где под тонкой жилкой лихорадочно частила истощённая кровь. — Ты приказала моему зверю убрать пламя. Ни один магистр в цитадели не решился бы скомандовать дракону в момент оборота.

— Магистры в вашей цитадели слишком дорожат своими головами, а мне терять особенно нечего, — Лидия наконец нашла в себе силы мягко, но твёрдо освободить запястье из его пальцев. — Не пытайтесь садиться. Ремень я пока не сниму, а шов держится на честном слове и суровой нитке вашего командира.

— Лорд Арвидас! — Сивер шумно выдохнул, опускаясь на одно колено у края стола и прикладывая кулак к груди. — Слава старым камням... Перевал метёт, но к рассвету ветер стихнет. Мы свяжем волокушу из еловых жердей и к полудню спустим вас в долину. Олвин уже наверняка приготовил верхние покои и ритуальные чаши...

— Никаких волокуш до утра, — отрезала Лидия, поворачиваясь к очагу, чтобы мужчины не видели, как мелко дрожит её подбородок от накатившей слабости. — Если вы сейчас вытащите его на мороз и тряхнёте на первой же рытвине, корка вокруг осколка лопнет. У меня в этой избе больше нет ни одного целого камня, способного удержать такой поток, а мои руки второй прямой перенос сегодня не переживут.

В комнате повисла напряжённая тишина, нарушаемая только треском догорающих корней в печи да глухим ударом снежного заряда о ставни. Сивер нахмурился, переводя взгляд с хозяйки избы на господина.

— Ты сама оставила кусок чёрного льда внутри, — настороженно напомнил стражник. — Внизу, в цитадели, есть учёный советник Олвин, есть родовые жаровни и запасы старой руды. Здесь, в глуши, ты его не вылечишь.

— Здесь — не вылечу, — легко согласилась Лидия. Она здоровой рукой подцепила со стола глиняную плошку с густым настоем жёлтой горечавки и гусиного жира, подошла к скамье и, опустившись на неё, принялась осторожно, морщась от каждого прикосновения, смазывать собственные почерневшие на кончиках пальцы. — Я лишь поставила запруду на крупную вену и дала вашему господину три-четыре дня отсрочки. Этот кристалл — не просто мёртвый осколок с топей. Он живой, Сивер. Он пустил нити в самую перегородку сердца и питается любым выбросом драконьей магии. Стоит лорду Торну обратиться в зверя или позволить вашим столичным мудрецам ударить по ране стандартным очищающим заклинанием, как осколок прорастёт сквозь грудь за считаные минуты.

Арвидас молча слушал её, глядя в закопчённый потолок, а потом снова повернул лицо к скамье.

— Что нужно, чтобы вытащить его целиком? — спросил он прямо, минуя всякие рассуждения о советниках и молитвах.

Лидия подняла на него глаза. Несмотря на серые круги под веками и лихорадочный блеск в зрачках, голос её прозвучал с той сухой, бескомпромиссной точностью, с какой она когда-то диктовала диагнозы в госпитальных палатах:

— Сначала его нужно уморить голодом и размягчить изнутри. Для этого мне понадобятся соли из глубоких горячих жил, свежий лунный мох, который не вымораживали в сушилках, и чистые рунные каналы без примесей чужой крови. Ничего из этого в моей кладовой нет. Всё это лежит в подвалах вашей цитадели.

— Значит, утром ты спустишься с нами в Северный кряж, — сказал Сивер тоном человека, для которого вопрос был решён сам собой. — Советник Олвин выдаст тебе со складов всё, что скажешь, и вознаграждение золотом не обидит.

Лидия криво усмехнулась, убирая плошку с мазью на край скамьи и осторожно укладывая изувеченную левую кисть на колено, поверх грубой шерсти юбки. В памяти слишком живо встали сводчатые коридоры столичного Совета, вежливые улыбки старших учёных мужей, забиравших её записи по болотной лихорадке, и холодные пальцы Эрвена, поправляющего судейскую цепь перед тем, как подписать её отстранение.

— Я не хожу на поклон к придворным советникам, командир, и не работаю под присмотром людей, которые лечат некроз ритуальными чашами, — тихо, но отчётливо произнесла она, глядя прямо в прозрачные, немигающие глаза Арвидаса Торна. — Если вы хотите, чтобы я спустилась в ваш дом и вытащила эту смерть из вашей груди, лорд Торн, разговаривать о цене и правилах мы будем здесь. На этом столе. Прежде чем ваш человек отвяжет ремень от вашей руки.

Сивер вспыхнул, шагнув вперёд и хватаясь за эфес, но Арвидас едва заметно шевельнул пальцами здоровой ладони, и стражник замер на полушаге.

На бледных, обветренных губах владыки Северного кряжа впервые за эту бесконечную ночь тронулась едва заметная, жёсткая усмешка.

— Сивер, смени Гарта у двери и проверь засовы, — негромко велел Арвидас, не отводя взгляда от женщины с перечёркнутым клеймом ордена и обожжёнными до синевы руками. — Похоже, самое трудное лечение у нас только начинается.

Глава 3. Договор с повелителем метелей

Лидия стянула с левой руки полоску пропитанного гусиным жиром льн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.